

Ганна Шевченко

Всё это я

* * *

В сводках гидрометцентра исключены ошибки —
мерно, по закоулкам, дело идёт к тому:
небо замироточит, ветры достанут скрипки,
птицы рекою станут и утекут во тьму.
Час зазеркальных буден: в каждой глубокой луже
будет виднеться стая тёмных, китовых туч,
в лужах — дома и небо, серое дно — снаружи,
и прикрепит к деревьям злую печаль сургуч.
Это неотвратимо — кровью рябины брызнут,
словно перед скамейкой произошла резня,
осень, как золотую форму постмодернизма,
выдумал Тарантино и в Голливуде снял.
Только не удаляйся — гугли, в фейсбуке висни,
Ванга и Нострадамус знали всё наперёд —
осень — объект простейший, дикая форма жизни,
вспыхнет, побудет с нами, съёжится и пройдёт.

* * *

Строительство стеной обнесено,
у входа клён раскинулся, дряхлея;
посмотрит сторож в тёмное окно —
и вспомнит Канта или Галилея.

Он по ночам, как водится, не спит,
за ухо треплет рыжего котёнка
и слушает, как дом — растущий кит —
поёт во сне пронзительно и звонко.

Он держит пистолет за рукоять,
ведь он один из сотен миллионов
постиг искусство — честно охранять
поющие дома микрорайонов.

Потухли звёзды, ночь умерщвлена;
охранник видит: цвета солидола
плывёт в шелка одетая луна
и выпадает свет из-под подола.

Шевченко Ганна Александровна — поэт, прозаик. Родилась на Украине, в г. Енакиево. По образованию финансист. Автор трех сборников стихов, в том числе «Обитатель перекрёстка» (М., 2015), «Форточка, ветер» (М., 2017), и книг прозы «Забойная история, или Шахтёрская Глубокая» (М., 2018) и др. Лауреат Международного конкурса им. Фазиля Искандера (2017). Живет в Подмосковье.

* * *

Похож на земли феодала
в царапинах неровных пашен
мирок, в котором я рождалась,
из грязи, пыли и ромашек.

Проулок, солнечный до дрожи,
бугор, покрытый ковылями,
и белый папин запорожец
по-над пшеничными полями.

Недолгий дождь, остатки лета,
вода, ползущая с отката,
сквозняк и проволока света
в холодном брюхе комбината.

Тот мир далёк и многоцветен,
осыпан росами тумана —
всё это я — и степь, и ветер,
и шахта с запахом тимьяна.

* * *

Я видела Бога — высокий, прямой,
он мимо неспешно прошёл,
прибрежные ивы зажглись бахромой,
туман навалился, тяжёл.

Лягушки затихли. Игольчатый лес
казался расчёской вдали,
испуганный филин из тёмных древес
смотрел, как младенец Дали.

На джинсовом небе виднелся разрыв.
Горячим венцом мельтеша,
отбившись случайно от чьей-то игры,
стоял огнедышащий шар —

как будто гоняли в командный крикет
ветра, облачившись в деним.
Я видела Бога, он шёл по реке,
и рыбы летели за ним.

* * *

Приходит ночь тяжёлой полосой
и открывает студию бессонниц —
но смерть не ку-клус-клановец с косой,
а девочка, ловящая лимонниц.

Я побывала бабочкой в саду
и к полночи телесность подытожу —
в природу, как лимонница, уйду,
через сачок отцеживая кожу.

* * *

Полынь, крапива, подорожник,
случайных флоксов белый клочок;
за гаражами, как заложник,
родной природы уголок.

Еду приносит ей старуха,
из листьев блюдо мастерит,
собака, приподнявши ухо,
грызёт мослы и сухари.

В раю, в кустах, за гаражами,
щенков неугомонный ком
собака с чёрными ушами
выкармливает молоком.

Старуха, что-то балаболя,
вздыхает, молится кусту —
здесь нет ни радости, ни боли,
природа любит пустоту.

* * *

У истока лесного ручья,
где вода из природы востала,
вы о чём бы мечтали? А я
о высоком бы росте мечтала.

Чтоб легко, без особой нужды,
так, как будто тебе поддаются,
дотянуться до синей звезды
и до центра земли дотянуться,

без условий и очередей
прикарманить себе втихомолку
то, что боги для лучших людей
положили на верхнюю полку.

* * *

Разливая по улицам свет,
ходит солнечный круг, как молочница,
а за ним по небесной траве
облака молодые волочатся.

По аллеям трясутся дубы,
словно кто-то их палкой отряхивал —
это бум скандинавской ходьбы,
а не новая титаномахия.

И река, раскрутившая жгут
вод ребристых, течёт лесопарками,
и туда же от смерти бегут
стайки бабушек с лыжными палками.

* * *

Выйдешь к речке прогуляться — всюду нега и уют,
птицы местность обживают, на деревьях гнёзда вьют,

держат удочки мужчины в ожидании плотвы,
хорохорятся лягушки в гуще залитой травы,

переполненный сиренью, воздух сладок и лилов,
за рекой видны макушки невысоких куполов,

дамы парами гуляют — речи томные слышны,
светел Бог, как на иконах, лишь бы не было войны.

* * *

Хлещет небо, воды не щадя,
грозовой разливается гимн —
неразумную форму дождя
содержаньем наполню своим:
ткань дождя — серебристый вельвет,
покрывающий крону сосны
до верхушки, вода — это свет,
источаемый богом весны;
льются воды на крыши дворов
совершенные, как на подбор —
это жидкие души ветров
растаются с вершинами гор;
в атмосфере гудит водомёт,
разрывая небесную твердь, —
это слёзы о тех, кто живёт
и пока не готов умереть.